

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0064.01.01

Александр Пинчук

23 августа 2012

Таре #1

- Добрый день.
- Здравствуйте.
- Спасибо большое, что Вы согласились с нами встретиться, побеседовать.. Вот, сначала я бы хотела попросить, чтобы Вы представились. Как Вас зовут? Имя. Имя и фамилия.
- Александр Власович Пинчук.
- Которого года Вы рождения?
- ... тридцать второго.
- И где Вы родились?
- В деревне Малые Литвиновичи.
- Ага. Ну и эта деревня на самом деле была малая?
- Ну, где-то домов семьдесят. Так не больше.
- Так довольно большая.
- Ну... ну так называли. А рядом были Большие Литвиновичи. Там больше деревня, больше было домов. Через полтора километров.
- Ну и как Ваша жизнь протекала там, в этих Литвиновичах?
- Ну, знаете что, что в детстве что там.. как в школу пошел, закончил школу – коров пасти, или там овец или что-то такое.. ну короче говоря, трудились все. С детства знаем, что такое жизнь. Была.
- А школа Ваша была где?
- А школа наша была между тремя деревнями, Большие Литвиновичи, и Еще Семеновичи рядом. Посередине там Совет был и там школа была.
- А какой городок был такой ближе? Ближе такой побольше?
- Ближе – это Озаричи. Озаричи и все.
- Ну и как изменилась Ваша жизнь, когда война началась?

– Когда что?

– Когда война началась.

– А, ну как война, так какая уже жизнь.. Уже ведь в школу не ходили.

Пасли коров. Все. Пас коров, короче говоря. Зарабатывал два пуда хлеба за корову, в сезон. Два пуда и все. Вот такая...

– А почему не ходили в школу?

– А потому что школы же не было. Немцы уже, когда пришли, и все – школа... не было школы. Только школы уже начались только в сорок четвертом году, когда отступили – сразу организовали школу. В этих же Семеновичах. Это прямо в личном доме.

– А доводилось Вам во время вот этой войны видеть какие-нибудь преступления против мирного населения, против граждан мирных, безоружных?

– Ну, я хочу сказать... хочу сказать, когда война началась, пришли немцы. Они как-то быстро пришли. Но они не трогали ничего сразу, ничего. Только... ну, это мелочь, конечно. Я полез, когда был маленький, карты там. А у меня командир отобрал и кинул под склад и я полез, их собрал. Так а второй ремня мне как дал, так я бегом от него со всех сил домой. Вот так. А так преступлений не было. Это только уже, когда организовали (это, мне кажется, или в конце сорок первого или в начале), ну короче, зимой. Зимой. Приехал в деревню главный полицай Сенька, от «Сенько». Вот не знаю, как его звали. На лошадях. А там как раз... А там как раз именно через домик этот Левик и Ицка, и у них сынок был еще, шили одежду. Вот...

– И Вы говорите этот Левик и Ицка – кто они такие были?

– Ну Левик – это был старший, а Ицка – это его зять. Ну и был сынок у них еще. Но забыл тоже, как его звали. Тогда помнил. Ну Левик.. зять-то, он, может, и не мог, но на специальных, машинка же не ножная, а нужно было крутить ручкой, так вот он крутил ручкой и все шил. Ну потом, когда

приехал этот полицей, я заметил, что пошел именно туда, где они. Ну мы туда, и я туда тоже. Вот он зашел в дом и так говорит: «Левик жив, а Ицка убит». Это. Так тот: «Ой, ой, ой, Сенька, я хочу жить. Сенька, я хочу.», «Раздевайся!». Он разделся догола. Ну только в белье остался. Выложил кольцо золотое на стол и все, он его вывел за дом, с автомата «тррррах» и все, он лежал там, наверное, неделю. В снегу том. Потом куда-то, не знаю куда его уже вывезли. Вот такие, такое было преступление, я видел.

– Как звали этого человека, которого убили?

– Ну я знаю, что Ицка только. Ицка. А больше ничего не знаю.

– В общем, убили Ицку? Да, убили Ицку, а Левику... потом говорят через некоторое время, закончил Левик шить и Левика тоже убили.

– А Ицка шил?

– Ицка крутил машинку, а Левик – это был самый главный портной, хороший портной. Его все знали.

– Теперь я слышу, что это еврейские имена. Это были евреи?

– Евреи, конечно. Евреи, да.

– А как они оказались вообще в вашей деревне?

– Так вот я же Вам говорю. Их каждого полицаи брали, если у него есть что-то, он из Литвиновичей, Семеновичей и потом в нашей деревне.

Видимо, это, может, была их последняя точка. Ну еще, Левика куда-то, не знаю, но куда-то еще его увезли. А Ицку там убили. Вот такое положение.

– Немножко не совсем понимаю, объясните поподробнее все-таки: Вы говорите, в той деревне, в другой деревне, каждый полицей имел что? Вот объясните.

– Каждый полицей, ну, наверное, по какому-то разрешению, забирал их в свою деревню и они там шили им.

– Полицаям?

– Полицаям и даже и не полицаям шили тоже.

– Что они должны были шить полицаям?

- Ну, не форму эту полицейскую, а просто такое, ну, гражданское все. Семье там, другим так.
- И Левик шил, а Ицка крутил..
- А Ицка да.. ну нужно было прицепиться, чтобы это, вроде бы он думал, под эту марку, может «Левика не убьют, так, может, и меня тоже». Вот такое положение.
- Теперь: в этом домике жили только они втроем или еще кто-то жил?
- А, там же семья жила. Этот же домик не пустой, а семья была.
- Белорусская?
- Белорусская, да.
- И они были в этой семье?
- И они в этой семье.
- А этот домик от Вашего дома?
- Через один. Через один домик. С одной стороны даже.
- И Вы увидели как этот полицейский Сенько пошел туда, прямо в этот дом?
- Слез из саней и пошел прямо с автоматом туда. И мы же.. и я именно за ним следом. И вот он зашел в дом и говорит, что «Левик жив, а Ицка убит». Вот так.. а тот, я же Вам повторяю, тот говорит: «Ой, ой, Сенька, я хочу жить. Сенька!». Просится. Все, вот он раздевается. Выложил кольцо и, и он его вывел за дом и там сразу в снег.
- Вы слышали, когда он это говорил, вот: «Ой, хочу жить.»?
- Конечно! Ну я же не глухой. Я же это самое...
- А Вы слышали команду «Раздеваться»?
- Ну конечно!
- А этот полицейский был вообще откуда?
- Километров восемь от нашей деревни Малые Литвиновичи, деревня Оспин. Ос-пин.
- А что потом, после войны случилось с этим полицейским? Как? Какая судьба его?

- А не знаю уже там. Не знаю. Его уже после войны нигде не слышно было. Где-то или он ушел с немцами, или куда... или, может, где наши подхватили и убили. Не знаю.
- А у него семья была, у этого Сенько?
- Ну конечно была. Там же в Оспин.
- Она и сейчас есть?
- Да ну. Он же уже.. это же он старый, пожилой был мужик. Да нет, там вообще, в той деревне вообще никого нету.
- Когда Вы слушали эти вот слова и эти команды, Вы были возле дома или Вы были в доме?
- В доме все были: и я, и этот же Сенька, и все в доме были. И их семья была в доме. Этих.
- Вы могли видеть как застрелил вот именно?
- Ну так, я услышал выстрелы и сразу, он когда ушел – я туда. Он уже лежит в кровавом, это самое, снегу. Лицом вниз в снег и в крови. Ну, он его в затылок выстрелил и все.
- Далеко отвел от дома?
- Нет, метра три-четыре, вот так. И все.
- И потом, когда он его застрели, что он дальше делал?
- Что? Уехал дальше. На лошадь.. на сани сел и поехал. Все. Ну, кольцо, конечно, он забрал. Это факт. Золотое.
- А вот могло быть такое, что он пьян, например, или что?
- Я бы не сказал, что он пьяный. Он, мне кажется, трезвый был. Потому что все это...
- И Левик в это время находился где?
- Там же..
- В доме?
- Вот стол стоял, там машина была и он за этим столом со своим сыном там это самое...

- А сынок этот?
- Ну, сынок еще же маленький был.
- Но он тоже был в доме?
- Тоже был в доме, в этом же.
- И, когда полицай уехал, что было дальше?
- Ну что было дальше? Все, разошлись. Левик тот, конечно.. это же зять его, мужик дочки. Ну, что уж, поплакал да и все. Что делать.. но я не знаю, только не помню сколько дней он еще там у нас прожил, этот Левик. Не знаю. Но его забрали полицейские, где-то, дня, наверное, через три. Забрали куда-то. Может, где или шить, или опять где-то расстреляют.
- И мальчика этого?
- Конечно.
- А Вы видели как его забирали?
- Нет. Ничего уже не видел, так да. Не хочу врать. Ну у меня же тоже... может, куда отвлекся или что это.
- А кто похоронил Ицку?
- Ну, видимо, хозяин этот, где... где это самое.
- А вот этих портных до того, как они поселились в этом домике, раньше Вы их знали?
- Нет, не знал. Я же там жил, а они в Озаричах. Это.. А куда я?..
- А, то есть это были люди из Озаречей?
- Из Озаречей, конечно. Евреи тут они. Тут вот центральная улица – это все они были с одной и со второй стороны. А уже беларусы – там другая улица отдельно. А тут одни евреи жили. Местечко называлось, однако.
- И сколько примерно времени, как Вы сейчас помните, эта семья жила у этих беларусов? Эти евреи.
- Там?
- Да, там.

- Ну, где-то, наверное, я хочу сказать, не больше недели. Не больше. Так примерно. Потому что я там знаю, мы жили через один домик, поэтому я знаю, они быстро в другое место. Или их перевезли куда-то шить опять, или уже взяли и, наверное, расходовали.
- А как Вы себе помните: что они там шили? Вот он конкретно. Что он шил?
- Что шил: штаны, рубашки. У кого-то и даже телогрейки шил. Все такое личное.
- А откуда Вы знаете, что он шил именно полицейским?
- Ну, как сказать, не именно полицейским, а шил всем, кто желал. Но жил же он, вот этот, не у полицейского, а просто вот у хозяина такого простого.
- Я еще хотела спросить, вот, у этих евреев, которые там были, были ли на них, на одежде какие-нибудь желтые знаки?
- Пока не было в то время еще.
- Вот у этих, которые портные были?
- Да, да, да. Не замечал я. Не было. Мне кажется, не было, конечно.
- А Вы сказали «Пока не было», а потом?
- А потом уже не знаю дальше. Потом же их пришивали где-то. Ну, желтые эти тряпки или что там.
- А Вам доводилось видеть евреев, у которых были вот эти желтые тряпки?
- Нет, я просто слышал. Нет, не видел. После этих евреев, больше я не видел. Только уже после войны кого-то, когда они приехали в Озаричи. Несколько семей. И все. А там, во время войны не видел их.
- А доводилось видеть какие-нибудь другие вот такие, вот, преступления против мирных людей, вот, во время войны?
- Ну это только преступления какие-то, в лагере когда были. В смерти-лагере, тут через Озаричский лагерь был. Немцы загнали туда много..

загородили проволокой, поставили вышки, заминировали вокруг все и, как только к проволоке – так с автомата и все. Вот такие преступления видели. А не давали ни костер раскладывать, ничего. Прямо на снегу, ну кто веток наломает, там и на мертвых лежали и как только не...

– Это какой лагерь был?

– Озаречский смерть-лагерь был. Вот недалеко отсюда. Это километра полтора. Там...

– Кого там держали, в этом лагере?

– Все мирное население. Захватывали всех. И туда делали, это, ограду, против... чтобы наши, наша армия.. чтобы это самое, они сделали, вот допустим, на одну линию в трех местах: Озаречский центральный, а потом, если туда смотреть на запад – левее была Дзерць, там тоже, и правее – Осинники. Там дер... Не деревня, а лес назывался Осинники.

– Так это три лагеря было?

– Да, это, ну, считается как Озаречский один, но в трех местах был.

– Так как назывался этот лагерь?

– Озаречский смерть-лагерь.

– А там были военнопленные, например, в этом лагере?

– Военнопленных не было. Не замечал, но гражданских там было, наверное, больше тридцати тысяч. Там погибло сколько.. ну, прямо... ну как сказать, это же было в марте месяце, в конце марта. Еще снег лежал и все. Но огня не давали, ничего. Так, у кого что было.. так они и от голода, и от холода, люди умирали.

– А там были какие построения или чисто поле?

– Нет, как в лесу. И болото прямо там. В лесу. Вот ради интереса надо было бы проехать посмотреть, там же все, ну, сделали каплицу.

– Если я правильно поняла, это был просто лес, то есть чисто поле, то есть никаких построек?

– Нет, нет, нет.

- Были эти вышки?
- Вышки-то и огорожено все было колючей проволокой. Все огорожено. А на вышках стояли часовые с автоматами там и с пулеметами.
- Вы этот лагерь сами видели?
- Ну конечно! Я же там был тоже.
- В этом лагере были?
- Да, конечно, ну!
- А Вас то за что взяли?
- Так все мирное население: и детей, и стариков, всех загоняли туда. Кого, кого только не заг... ближайшую деревню. Привозили из других районов. Там много-много было людей.
- И сколько времени Вы были в этом лагере?
- Где-то, дней, наверное, около пятнадцати, приблизительно, так. Может, и больше. Некоторые больше. Не всех же сразу загоняли. Одних привели, а потом всё туда, это самое. С одной стороны района или там с другой. И сюда, все сюда. Это делали ограждение против того, чтобы наши, когда наступали уже, наши войска, ну так не будут же бить по мирному населению. Вот они, это самое, ну и сумели как-то освободить без по.. ну, потери были только тех, кто там умирали или некоторые на мины нары... это самое... только разминировали наши, и вот так: если немного в сторону, на мину – все, взорвало.
- Так кто Вас освободил из этого лагеря?
- Ну наши солдаты освободили и все. Там и тифом болели. Там ужас был! Ужас! Там это же... Так что, Вы не слышали об этом лагере?
- Нет.
- Желательно Вам бы проехать посмотреть.
- Скажите, пожалуйста, забрали только Вас одного из вашей деревне?
- Нет, все деревни. Всех-всех, кто живой был, всех туда загоняли..
- Кто вас туда загонял?

- Ну кто? Немцы и полицаи.
- Полицаи – это кто были полицаи?
- Ну, которые добровольно вступили в полицию, сразу к немцам и они служили. Там же по-моложе были в спецотряде, полицаи. По-старше тоже. Ну короче.. ну.
- А что значит спецотряд?
- Ну, спецотряд это на подобии особых таких отрядов молодых, которые уже более-менее хоть теперь там... есть такие, как у нас, омовцы. И так там такие, знаешь..
- А у них были какие-нибудь униформы или что?
- В форме обязательно. Этот спецотряд был в форме. Пилотки, маленькие такие кусик. Форма полностью немецкая.
- На каком... Но они на каком языке говорили?
- На ру... Эти полицаи? Они же немецкий язык не знали. На своем языке.
- А эти, которые не спецотряд, они тоже были в формах?
- Нет. Эти были как кому там попало. Некоторые были по форме, а некоторые просто так.
- А каким оружием они были вооружены?
- Полицаи? Винтовками. Винтовками и все. Ну были десяти зарядные такие винтовки.
- Сколько примерно было вот этих спецотрядовцев?
- А это в Озаревичах. Он стоял тут, в Озаревичах этот спецотряд, под командованием старшего лейтенанта Российских... Российских войск, Соколов такой был, командир этого спецотряда.
- Откуда Вы знаете об этом Соколове?
- Так полицаи уже в нашей деревне были тоже. Вот сосед там и все такое. Так говорили, что Соколов..
- Соколов...
- Да.

– И вот эти соседи. Что Вы слышали: что они там рассказывали про работу свою?

– Полицаи?

– Да.

– А что они? Они же не расскажут ничего. Ну, ходили они на облаву на партизан. Это самое... У нас тут километров тридцать.. больше. Около сорока километров – Октябрьский район. Там была партизанская зона. Там немцы не были, не могли пробиться туда. Так вот эти полицаи ездили на облаву. Ну, их часть попада.. ну, их убивали этих полицаев. Где только заперут, так их уничтожали. Ну, а часть, когда отступали немцы, видимо, пошли за немцами. Может, теперь там же живут некоторые. Некоторые уже умерли, конечно.

– Теперь из этих полицаев, вот которые из Вашей деревни, может, имена помните или фамилии?

– Ну я помню, помню так. Ну, Сурко Иван. Сурко Иван – сосед был. Петрович.. так, Новик Василий Евсеевич. Был Башура Григорий. Силович. Вот таких я помню полицаев. Ну их было в спецотряде, ну кажется из нашей деревни было три, наверное. Да. Или четыре.

– Так вот эти, которых Вы назвали, они были в спецотряде?

– В спецотряде они были. Форму носили.

– А что такое на них нашло, что нужно было идти в такой спецотряд?

– Так их, наверное, некоторых просто силой забирали. Просто забирали.

Ну, если бы желание было, так они могли бы идти в партизаны. Но желания.. что.. Они же дома жили и то.. то в отряде, то домой же приходили. Желание было бы – так они ушли бы. Но уже они...

– Ну, а им деньги платили? Зарплату получали?

– Ну, наверное, что-то же давали. Я знаю, что сигареты курили, все такое. Понимаете?

- Ага. Так значит, когда вас загоняли в этот лагерь, вас гнали, как Вы сказали, немцы...
- Да. Немцы и полицаи.
- И полицаи?
- Да.
- Полицаи? Которые... полицаи, которые Вас гнали, они Вам были знакомы?
- Нет. Это из других деревень. наших не было уже. Где они, не знаю куда они пропали. Может, они где-то в другом месте. Знаете?
- А вот какая судьба вообще была у этих полицаев уже после войны?
- А после войны кто попался – сразу в тюрьму. По десять, по двадцать лет давали.
- А эти вот конкретно, которые Ваши соседи, какая их судьба?
- Их судьба не известно где. Они или ушли с немцами или... ни.. ни.. ни писем, ничего не было от них.
- Колючая проволока в этом лагере какой высоты была?
- Ну высотой была, ну, около двух метров или, может, меньше так. Примерно.
- А была какая-нибудь возможность, например, пролезть через эту проволоку?
- Так где же была, если на вышках стояли.. Четыре вышки стояли. Если хоть один, допустим, задремет, то остальные же видят.
- А откуда Вы знали, что они заминировали это все вокруг?
- Ну так потому, что, когда выпустили, так некоторые люди, ну не смотря на то, что сказали идти, так даже если сворачивали немного с дороги, так уже подрывались на mine. Потом уже, наши когда захватили, они разминировали все. Сказали, что там это все... У меня не нарушилась эта штука?
- Нет-нет.

- Кто из Ваших близких еще был в этом лагере?
- Тут еще из Озарич много людей было.
- Из Вашей семьи, я имею в виду.
- Вся моя семья была.
- Кто?
- Мама, две сестры, брат и я.
- Так Вы говорили, что Вы там около двух недель пробыли?
- Да, даже был дней девятнадцать. Так, приблизительно.
- А что вы там ели?
- Что мы смогли, это самое, на себе из дома взять, то и ели. Больше... А немцы привозили хлеб. Привозили. Прямо из машины, и прямо бросали хлеб. И таким морозом.. и кому в лоб, так тот упадет. Такой... такой хлеб привозили. Вроде, показать, что кормили. Больше ничего.
- На чем вы лежали?
- На чем? Ломали ветки. На ветках.. какая была там... ну были такие свои работы сшитые. Но не одеяла, а подстилки такие. Накрывались. Мама страдала. Мы же маленькие были, а мама даже не спала. Все укрывала ходила. Все такое.
- Холодно было?
- Конечно же! Это же...
- А Вы заболели лично?
- Нет, я вот, к счастью... ну, малярией был заболел, но, к счастью, это самое, семья наша осталась. А вот мои двоюродные (они были меньше) двоюродная сестричка и братик там же умерли. И их уже привезли в Озаричи, тут церковь стояла. Тут возле церкви похоронили. Сейчас там парк размещается.
- Этот лагерь какую примерно территорию занимал по периметру? Ну как Вы можете представить: метров сколько на сколько?

- Ну я не знаю, как Вам сказать. Метров, наверное, двести на двести был. Потому что много было людей. Да и болото же там было. Ужас! Ужас просто!
- И сколько, примерно, как Вам сейчас кажется, сколько там людей, сколько народа там было?
- А там я уже не помню. Людей, наверное, больше тридцати тысяч.
- Тридцать тысяч в таком небольшом. Так это должно быть человеку человек?
- Ну как человеку человек? Двести допустим... а может, там и больше. Я же не собирал это.... Там все было. Ну, Вам же подъехать туда не далеко посмотреть. Там все расписано, там все стоят памятники. Там, это, камни большие.. там это.
- И как вот, как Вы могли бы, как сказать, могли бы определить какая часть вот этих вот пленных у вас погибало, умирало?
- Ну мы не определили. А уже подсчитали, когда освободили. Подсчитали уже. Люди то. Каждый говорил, что «Из моей семьи, может, там умер». Все тогда было подсчитано.
- И сколько примерно, как они посчитали, сколько умерло?
- Ну не знаю. Что-то, наверное, тысяч... короче, я уже забыл. Там все написано. Больше, наверное, девя...
- Около тысячи?
- Больше девяти тысяч, мне кажется.
- Когда Вас в этот лагерь забирали, Вы знали куда Вас забирают?
- Откуда же мы знали? Гнали, да и все.
- А расстояние от Вашего дома до этого лагеря сколько?
- Километра четыре через лес. Не больше.
- А расскажите как Вас забрали в этот лагерь.
- Ну как. Зашли в дом. И «Собирайся!» и все, пошли. Вот и брали все, что можно было взять. Ну, картошку там, хлеба же.. ну, хлеб, какой был, взяли

и никто не думал, что, может, приготовили бы заранее, напекли этого хлеба и все. Что было. У кого было сало, что-то, у кого было мясо какое-нибудь. Все брали. Грузили на себе и все.

– Но дали взять все-таки?

– Ну да, конечно.

– Вот Вам, к Вам конкретно, опишите мне ситуацию: как к Вам пришли? Кто пришел?

– Ну кто пришел? Ну, видимо, полицаи, потому что говорил по-русски: «Так, собирайтесь и в такой срок». И в строй.. и все, пошли.

– Вас повели или повезли?

– Нас повели, потому что мы близко были. Ну, четыре километра. Нас повели прямо через лес. Там дорога прямо почти к этому лагерю.

– Сколько вас было в группе человек, которых, вот, повели? Вся деревня или как?

– Я же не знаю. Ну, из деревни из нашей я знаю, что человек, наверное, тридцать или тридцать пять. Наверное, так было.

– А была какая-нибудь возможность убежать, например?

– А как же убежать, если все и с собаками, и гнали с автоматами и все? Возможности не было.

– И вот, через ворота прямо, значит, в лагерь?

– Да, прямо в лагерь.

– А там уже были люди?

– Так ведь со всех сторон. Уже, конечно, были люди.

– А потом еще новых приводили?

– Да. Были люди и из, это самое, из других районов и областей. Сюда всех свозили. И даже из России были люди.

– А что люди между собой говорили? Вот как думали, что будет?

- А что, что говорили.. черт его знает. Думали, что конец будет. Да и все. Это хорошо, что разведка обнаружила и так под командованием генерала Батова нас освобождали.
- И то есть, как это было? В какой-то момент вы увидели, что уже нету охраны на столбах?
- Да, она еще быстро исчезла. Все. Они же уже знали, что окружили.
- Хорошо. А кто вас окружил?
- Ну наши уже окружили. Это самое... Короче говоря так, собственно говоря, уже битвы не было. Уже они... они же тоже знали. Разведка и немецкая работала, что уже все, выходите.
- И что, вам открыли ворота или вы могли сами выйти как-то?
- Нет, солдаты открыли, все разминировали и указали «никуда в сторону». Вот именно по этой линии выходите на центральную дорогу.
- И куда вы пошли тогда?
- Ну пошли мы. Мы же близко там, четыре километра домой.
- А дома все было как было или разграблено? Или как?
- К сожалению... Вот наш дом остался в целости, но некоторые были уже разваленные. Разбирали просто на капа... на блиндажи, на разную ерунду.
- И вещи все были на месте?
- Ну, там же никого в деревне не было.
- Кто разобрал? Кто разобрал на блиндажи?
- Ну, наверное, же немцы. Разбирали потому, что им же надо было капаться в земле.
- То есть уже некоторых домов не было?
- Да, да. Ну вот из деревни где-то, кажется помню где-то, домика три не было. Остальные все остались.
- Из вашей деревни сколько человек погибло в этом лагере?
- Ну, человек, наверное, десять.

- А вот эти вот Ваши родственники, которые двоюродные, эти девочки, они из Вашей деревни были?
- Да это рядом жила. Маминой сестры дети.
- Сколько детей у нее было, у мамыной сестры?
- Шесть было. Так двое младших погибли. От голода и от холода. Не было чем... даже сегодня ночью уже прохладно, 7 градусов, допустим. И то уже попробуй-ка так.
- А это был месяц март?
- Да, да, да.
- Какой месяц это был?
- Март - начало апреля, мне кажется. Нас освободили. Я уже забыл, не помню так. Ну, короче говоря, вот так.
- Но еще снег лежал?
- Что?
- Снег еще лежал?
- Лежал, конечно.
- Ну, во время войны, может быть, еще что-то видели такое, что бы хотели нам рассказать?
- Ну больше такого, кажется, ничего не видел.
- Спасибо Вам большое!
- Спасибо Вам! Все уходит?
- Посидите, пожалуйста.